

ББК 63.3(2)53

А.А. Терскова

Общественная и просветительская деятельность священнослужителей в приходах во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Енисейской губернии)

A.A. Terskova

Social and Enlightening Activities of Priests in Parishes in the Second Half of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries (on the Example of the Yenisei Province)

Определены основные сферы общественной работы священнослужителей в приходах. Священнослужители в сельской местности были главными просветителями и наставниками для своей паствы. Они заведовали церковно-приходскими школами, боролись с пьянством в деревне, организовывали благотворительную помощь для односельчан. Авторитет священника среди крестьян во многом зависел от его активности и инициативы.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Енисейская епархия, православный приход, духовенство, церковно-приходские школы, общества трезвости, церковно-приходские попечительства, крестьяне, благотворительность, просвещение.

Священнослужители занимали на селе особое положение. Закон и общественное мнение всегда определяли по отношению к пастырям целый ряд морально-этических качеств, которым они должны были соответствовать. Они не могли быть пьяницами, лентяями, клеветниками, сварливыми, любодейцами, убийцами, ворами и обманщиками. Именно об этом было записано в свидетельстве от прихожан, с которым приезжал кандидат на рукоположение в духовную консисторию. Общественное мнение требовало, чтобы священник не использовал свое пастырство в корыстных целях, не торговался с прихожанами по поводу платы за требоисправления, всюду вел себя благочинно, скромно одевался, не ходил по кабакам. Особо предостерегали священнослужителей от пьянства и табакокурения. А.В. Камкин подчеркивал, что сам факт постоянного контроля за моральным обликом, бытовым и общественным поведением духовенства свидетельствует о том, что церковь непрерывно самоочищалась. Пожалуй, ни одно российское сословие так жестко не подвергалось публичному контролю, как приходское духовенство, «ни к одному из них не предъявлялись столь жесткие требования» [1, с. 145]. Столь же суровому контролю подвергалась и семья священника со стороны его паствы.

The article determines the main spheres of priests' activity in parishes. Countryside priests were the main enlighteners and mentors for their flock. They managed parochial schools, fought against drinking and organized charity actions. A priest's authority among peasants depended to a large extent on his activity and initiative.

Key words: Russian Orthodox Church, Yeniseysk Eparchy, Orthodox parish, clergy, parochial schools, temperance societies, Parochial Board of Guardians, peasants, charity, enlightenment.

Отношение к священнику во многом зависело от его поведения и образа жизни. Нельзя говорить однозначно, как это утверждала советская историческая школа, что священников не любили. В архиве Красноярского края и периодике сохранилось много информации о почете и благодарности прихожан к своим причтам. Например, в приходе Толстихинской церкви Каннского уезда прихожане рассказывали о псаломщике Антонии Величко. К нему приходили за советом и помощью, он занимался лекарством. «Были бы у нас в деревнях служители алтаря – такие люди, как А. Величко, то мы крестьяне, темный народ, ежеминутно приносили бы Богу благодарение за таких добрых людей, служащих примером темному нашему крестьянину» [2, с. 67]. Также хорошо прихожане с. Никольского Ачинского уезда отзывались о своем священнике Иоанне Парышеве. Он не только за свой счет реставрировал приходской храм, но и помогал деньгами, едой и одеждой семьям погорельцев в селе. В 1865 г. крестьяне с. Схима Минусинского округа писали епископу Никодиму: «С самого начала поступления к нам священника Алексея Раевского мы увидели его заботы, чтобы построить у нас церковь. Дело началось, при этом мы видели, что священник вместе с нами доставлял от себя на церковь лес, мох,

камень, уплачивал подрядчику, кроме того, тратился на поездки в Красноярск. По делу же церкви и мы уверены, если бы не он, то у нас еще долго бы не было церкви. Каждый из нас видел его присутствие при работах и его приветливое с нами обхождение. Личная ему от нас благодарность. Просим покорнейше, Ваше Преосвященство, не оставить нашего пастыря вашей милостью к нему» [3, л. 334].

Чем активнее и инициативнее был приходской священник, тем больше поддержки и понимания он имел среди своей паствы. На него часто ложились заботы о церковно-приходской школе, строительстве и ремонте церкви, открытии попечительств и братств. Все эти приходские организации священник должен был открывать по распоряжению Синода, руководя ими помимо своих пастырских обязанностей. Как вспоминал один из священнослужителей Енисейской епархии, «и вместе со служением алтарю мне нередко доводится быть и работником, и архитектором, и сборщиком, и сторожем, словом, принимать на себя такие обязанности, какие представляет жизнь и потребность прихода» [4, с. 95].

Сами священники и историки отмечают, что особой религиозностью сибиряки не отличались. «Однако к официальной церкви сибиряки относились с изрядной долей скепсиса и практического расчета. Принимали ее как факт, но стремились организовать свое религиозное бытие вне стен храма» [5, с. 98]. Старожильческая Сибирь была значительно менее религиозна, особенно в выполнении обрядов и посещении церкви, но все же каждый человек был внутренне верующим. «Тип вероисповедной культуры русского человека характеризовало слабое представление о догматической стороне христианства. Верующие, твердо, отождествляющие себя с православными, как правило, довольно индифферентно относились к сути вероучения. Главным основанием для религиозного воззрения были заветы отцов, т.е. верность традиции» [5, с. 93]. Тем не менее только священник был наиболее грамотным и просвещенным человеком в приходе. Именно он должен был обучить основам православной веры, грамоте, уберечь от пьянства и разврата свою паству.

Одна из обязанностей, возложенная на священников епархиальным начальством, заключалась в руководстве церковно-приходскими школами. К 1 января 1887 г. в епархии действовало 44 церковно-приходские школы и 16 школ грамоты, в которых обучаются 94 ребенка [6, с. 45]. К 1897 г. в епархии уже насчитывалось 142 действующие школы, а в 1901 г. – 203 [7, с. 25]. К 1913 г. в Енисейской епархии было 214 церковно-приходских школ и не было совсем школ грамотности [8, с. 23].

Содержание приходской школы ложилось на плечи местного населения, которое было бедным и не видело особой надобности в открытии школ в приходе.

В.Ф. Бибилова приводит интересные данные: «Любопытно было и поведение самих переселенцев в отношении своего образования. Приезжая из центральных губерний, густонаселенных районов, развитых в промышленном отношении, они в первые годы жительства в губернии «усиленно хлопочут об открытии школ, но потом, подчиняясь необходимости, как сибиряки, все больше и больше расширяют обработку земли, привлекая на помощь и детей и подростков. Вместе с этим они менее остро начинают относиться к просветительным нуждам, не видя для своих детей ближайшей практической потребности в грамотности, какая ощущалась прежде там, в европейской России, где в мастерстве, торговле и других промыслах грамотный ценился вдвое против неграмотного» [9, с. 167]. Особой поддержки среди населения при организации школы священники не видели не только из-за бедности местного населения, но и из-за отсутствия практической необходимости в грамотности в жизни крестьян.

Несмотря на сложности, школы в приходах открывали. Обычно они располагались при храме, иногда в отдельном доме, часто в церковной часовне или сторожке. Если у сельского общества были средства, но это случалось крайне редко, то оно строило отдельное здание для школы. Чаще помещения для школы нанимали. Это была одна или две небольших комнаты, в которых должны были заниматься 15–20 ребятшек. Все наблюдатели, посещающие школы, говорят о крайней тесноте, скученности, духоте и грязи в классах. Остро стоял вопрос об отоплении помещения школы. Очень часто денег на это тоже не выделялось. Дети сами по очереди просто приносили дрова из дома. На письменные принадлежности и мебель сельские сходы вовсе не выделяли средств, считая это роскошью. Средства на это изыскивали училищный совет, преподаватели или сельские священники. Вообще епархиальный наблюдатель констатировал: «Чем меньше школа требует от населения, тем лучше к ней относятся» [8, с. 147]. Школа, действительно, обходилась сельскому обществу достаточно дорого, около 200 руб. в год.

Принимали в школу мальчиков и девочек в возрасте от 7 до 14 лет русского православного населения, казаков и детей раскольников. Обучение в школе, как правило, длилось три года. Классы не делились по возрастному составу, разновозрастные дети занимались вместе. В школе большинство учащихся были мальчиками (более 67%).

Учебный год продолжался от 100 до 180 дней. В городских школах занятия обычно начинаются с 20 августа по первое сентября, на селе – не ранее 1 октября. Они могли быть отложены по нескольким причинам: отсутствие помещения, финансирования. Заканчивались занятия в школах на шестой неделе Великого поста (начало апреля), кроме того, детей

отпускали на две недели на рождественские каникулы. В среднем учебный год длился 28–29 учебных недель, или 150 учебных дней.

Приходской священник заведовал хозяйственной частью школы, руководил учебно-воспитательным процессом, выполнял обязанности законоучителя и учителя пения. Иногда диакон брал на себя все учительские труды. Епархиальное начальство помогало школам учебниками, создавало попечительские советы. Учителями в школах по общим предметам не всегда были люди со специальным педагогическим образованием. В 1892–1893 гг. из 132 школ в епархии в них преподавали 96 лиц духовного сана, а остальные 42 педагога – светские лица в основном из мещанского сословия, в меньшей степени из крестьян [10, л. 30].

Церковно-приходские школы должны были дать детям основы православного учения и первоначальные полезные знания. Школьная программа была утверждена Святейшим Синодом. По Закону Божьему изучали Священную историю, разучивали молитвы и пересказывали притчи. На уроках русского языка изучали основы правописания, основные части речи, учились письменно излагать свои мысли, писали диктанты. Оканчивая школу, ребенок знал по арифметике счет до тысячи, решал задачи на сложение, умножение, деление и вычитание. Кроме того, в школе преподавалось пение и чистописание. Однако полученные в школе знания были неглубокими и поверхностными. Отсутствовали наглядные пособия и письменные принадлежности. Методика преподавания была крайне примитивна – все заучивали на слух, под диктовку учителя. Дети не умели грамотно излагать свои мысли, в сочинениях писали шаблонные вызубренные фразы. Многие задачи по арифметике также решались устно, на слух. Молодым педагогам сложно было поддерживать дисциплину в классе, поэтому часто на уроках стоял гвалт, а учительница работала с каждым индивидуально. Знания, полученные детьми в школе, быстро забывались, потому что по выходу из школы крестьянам применить их было негде.

Еще одна из многих проблем, с которой сталкивались священнослужители в приходе, – это пьянство. Пьянство было более распространено в городе, чем в деревне. Корреспондент «Иркутских епархиальных ведомостей» в 1863 г. отмечает, что «пьянство сделалось в Иркутске недугом, в буквальном смысле, повальным: на улицах валяются мужчины и женщины, встречаются молодые девицы и даже дети, едва держащиеся на ногах, трудно найти трезвую прислугу из обоих полов, редко встретишь мастерового, от которого бы чуть свет не пахло вином. Толпы нищих под отвратительными рубищами волочатся пьяные» [11, с. 280]. «В Енисейской губернии во второй половине XIX века на полную мощность работало 12 винокурных, 13 водочных и три пивоваренных завода. Все это распространялось на 86 оптовых складов и

1400 питейных заведений, не считая харчевен, лавок, буфетов, трактиров. Как здесь было не пить?! Один мужчина в год в нашей губернии выпивал до трех ведер вина» [11, с. 281].

Священнослужители, врачи и просвещенные люди пытались бороться с этим недугом. В 1859 г. в Енисейске было открыто общество трезвости. В 1899 г. в Красноярске возникло такое же общество, которым руководили мировой судья В.П. Шольп и доктор А.Г. Куркутов.

Синод также призывал духовенство встать на борьбу с этим страшным недугом. Одним из первых под руководством священника Кочергинской Вознесенской церкви Иннокентия Орфеева возникает общество трезвости во имя святителя и целителя Пантелеимона в 1900 г. в Ачинском округе. В уставе общества говорилось, что его цель – противодействовать злоупотреблению спиртными напитками. Члены общества (100 чел. на момент создания) обязуются принять на себя обет вести трезвую жизнь и быть примером для односельчан [12, л. 9]. Члены общества устраивали общие собрания, организовали библиотеку, после церковных воскресных служб раздавали бесплатно еду и чай бедным прихожанам своего села. Руководил обществом совет, состоящий из председателя, делопроизводителя, кассира и библиотекаря.

В с. Шушенском Петропавловской церкви Минусинского уезда священником Петром Черкасовым было открыто подобное общество 26 февраля 1907 г. под покровительством святых угодников Божьих святого чудотворца Иннокентия Иркутского и преподобного Серафима Саровского. Общество создавалось для бесед и чтений, а также помощи прихожанам [13, л. 1].

В журнале «Енисейские епархиальные ведомости» за 1910 г. была размещена статья, посвященная борьбе с алкоголизмом в приходе. В статье говорилось: «Бороться с этим злом особенно должны мы, пастыри. Да, отцы и братья, на нас лежит великая ответственность перед Богом за нашу паству, паству темную непросветленную, которую мы должны просветить, вразумить, наставить» [14, с. 15]. Эту проблему предлагалось решить несколькими способами: с помощью визитов батюшки, проповеди в домах прихожан и храме, агитации через школу, через народные чтения, организации общества трезвости. Особенно большое значение в этом деле священники отводили личному примеру, школе и проповеди. 24 июля 1909 г. вышло очередное постановление Святейшего Синода о борьбе с пьянством. Синод также призывал открывать общества трезвости, вести проповеди, привлекать для этой борьбы приходские попечительства, советы, братства, устраивать религиозные чтения.

9 апреля 1911 г. в Красноярске был организован праздник трезвости. Участники праздника провели крестный ход по городу и раздавали агитационные

листки. В городе Минусинске в тот же день был организован подобный праздник Спасским обществом трезвости. Члены общества собирали пожертвования, раздавали агитационные листовки, читали лекции «Школьный алкоголизм» и «Спиртные напитки: здоровье и нравственность». Одним из основных организаторов этого события был священник Владимир Кузьмин. Несмотря на активную работу священников по борьбе с алкоголизмом, необходимо отметить, что особых успехов здесь не отмечено. В распоряжении священника были только личный пример и проповедь, что больших результатов не давало.

29 января 1912 г. было открыто Православное братство молитвы и трезвости во имя святых апостолов Петра и Павла в с. Большая Иня Минусинского уезда. Руководителем братства стал священник Владимир Кузьмин, основных членов братства насчитывалось 14 человек, еще 376 членов братства занимались в разных кружках. Члены братства читали молитвы, стихи, пели песни, ходили в гости на праздники, вместе изучали Библию. Устав братства требовал «не пить совершенно никаких спиртных напитков, не угощать ими никого, не курить табаку, не играть в карты, посещать братские собрания и исполнять церковный устав, относительно постов и богослужений» [15, с. 36]. Активная деятельность Владимира Кузьмина на этом поприще привела к тому, что он был отправлен от епархии в Москву в августе 1912 г. на Всероссийский съезд практической деятельности по борьбе с алкоголизмом. По мнению о. Владимира, нужна масштабность действий братств трезвости, а они часто объединяют не более 50–100 чел. в пределах одного прихода или села. Братство апостолов Петра и Павла распространило свою деятельность на весь Минусинский уезд. Для успешной работы братств, по мнению священника, также необходимы добровольность вступления в него членов и активная работа на местах, устройство собраний и посещение их членами братства.

Благотворительность в российском обществе принимала самые разнообразные формы. Это могли быть милостыня, просветительская деятельность, выдача ссуды деньгами, хлебом, семенами, сеном. Значительная роль на этом поприще принадлежала духовенству. Православный священник в силу своих обязанностей должен был организовать в приходе помощь для всех нуждающихся. Православная вера воспитывала в русском человеке милосердие и сострадание к горю ближнего. Проводить благотворительную работу в приходах священники могли через церковно-приходские попечительства, которые были разрешены в России 2 августа 1864 г. В указе говорилось, что приходские попечительства должны прежде всего заботиться о благоустройстве своих церквей, денежном обеспечении и жилье своего причта, затем

могут изыскивать средства на школы, больницы, богадельни, приюты и «вообще на оказание бедным людям прихода в необходимых случаях возможных пособий, также и о погребении неимущих умерших и о содержании в порядке кладбищ» [16, л. 4об.]. Попечительства в случае необходимости могли ходатайствовать перед казной или другими ведомствами о пособии или содержании, но капитал попечительств складывался из местных средств – пожертвований, кружечных сборов, сборов по подписным листам, сборным книгам. Попечительства отправляли ежегодные отчеты о своей деятельности и доходах консистории.

Приходские попечительства были наиболее простой формой благотворительной организации, обслуживающей одновременно интересы и клира, и прихожан. В состав попечительства входили непременные члены и выборные. Непременными членами попечительства были священник, церковный староста, волостной старшина в селе и городской голова – в городе. Избирались выборные члены попечительства из прихожан, пользующихся правом обсуждения сельских или городских дел. Участвовать в приходском попечительстве могли лишь лица, добровольно изъявившие свое согласие, а принятые попечительством решения являлись обязательными для всех участников.

Попечительства должны были открываться по инициативе священников. «В 1871 году открыто приходских попечительств всего девять» [17, л. 40]. «К 1879 году в Епархии состояло попечительств 21, вновь открытых не было» [18, л. 71]. К 1916 г. только около 40% православных приходов Енисейской епархии дождалось открытия своих попечительств. Можно выделить объективные и субъективные причины слабого развития приходских попечительств в Енисейской губернии. По мнению Т.А. Катциной, к объективным причинам следует отнести бедность сельского населения, пожертвования которого служили практически единственным источником финансирования попечительств. Субъективным фактором являлись недостатки в принципах организации и функционирования попечительств.

Зачастую приходские попечительства открывались для выполнения какой-либо конкретной задачи (строительство приходской школы, ремонт храма), а затем в большинстве своем закрывались, существуя формально [19, с. 18]. С Первой мировой войной в практику вошли приходские попечительские советы, которые объединяли усилия нескольких приходов или благотворительных организаций. Это объединение являлось эффективным с точки зрения мобилизации денежных средств, координации усилий, равномерное распределение помощи. В условиях войны большая помощь оказывалась приходскими собраниями.

Библиографический список

1. Камкин А.В. Православная церковь на севере России. – Вологда, 1992.
2. Письмо в редакцию // Енисейские епархиальные ведомости (ЕЕВ). – 1910. – №3.
3. Архивное агентство Красноярского края (ААКК). – Ф. 561 (Никодим – первый епископ Енисейский и Красноярский). – Оп. 1. – Д. 58.
4. Из жизни приходского священника // ЕЕВ. – 1884. – №6.
5. Доброновская А.П. Вера и традиции благочестия у православного населения Енисейской губернии в первой трети XX века // Енисейской губернии – 180 лет. Краеведческие чтения. – Красноярск, 2003.
6. Об успехах школьного дела в губернии // ЕЕВ. – 1888. – №11.
7. Персианов Г. Из истории Енисейской епархии // Журнал Красноярской – Енисейской епархии. – Красноярск, 2000. – Вып. 1.
8. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты в Енисейской епархии за 1912–1913 учебный год. – Красноярск, 1914.
9. Бибикина В.В. Роль частной и общественной инициативы в развитии образования в Енисейской губернии в конце XIX начале XX веков. – Красноярск, 2004.
10. ААКК. – Ф. 595 (Енисейское губернское правление). – Оп. 1. – Д. 5113.
11. Бердников Л.П. Вся красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916). Факты, события, люди. – Красноярск, 1995.
12. ААКК. – Ф. 674 (Духовная консистория Енисейская). – Оп. 1. – Д. 4722.
13. ААКК. – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 3101.
14. Алкоголизм // ЕЕВ. – 1910. – №7.
15. Общества трезвости и православные братства // ЕЕВ. – 1912. – №19.
16. ААКК. – Ф. 397 (Благочиния церквей Туруханского края). – Оп. 1. – Д. 41.
17. ААКК. – Ф. 592 (Духовное Красноярское правление). – Оп. 2. – Д. 546.
18. ААКК. – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 1620.
19. Катцина Т.А. Приходская благотворительность в Енисейской губернии // Церковь и государство: прошлое и настоящее : тез. докл. и сообщ. науч. конф. – Красноярск, 2001.